

Неприкосновенный запас

Ольга Бородина в Московской консерватории

Самая верная из гергиевских звезд мировой величины, Ольга Бородина если и приезжает в Россию, то, как правило, в Мариинский театр. Но этим маем Москве повезло больше. Две недели назад Бородина выступала на Пасхальном фестивале, где под палочку Валерия Гергиева спела немного Прокофьева и Стравинского. Теперь в том же Большом зале консерватории певица дала целый сольный концерт, программа которого была и обширнее, и популярнее.

Екатерина БИРЮКОВА

В первом, русском, отделении — Марфа, Любаша, Любава, Лаура. Во втором, западном, — Далила, Эболи, принцесса Буйонская, Слепая из «Джоконды» Понкьелли и непременная Кармен. Такой выбор — предсказуемый, как учебная программа, может себе позволить только настоящая дива. А именно ею и является Ольга Бородина, одна из самых востребованных меццо-сопрано мира. Ее драгоценный голос дивной красоты довольно неожиданно для русской вокальной школы. Матовый тембр, никакого вибрато, ни утробного рычания снизу,

ни истерики наверху. Столь же необычен для наших меццо-сопрано и ее известный холодный нрав. Все партии, будь то раскольница Марфа или цыганка Кармен, Бородина поет с одинаковой интонацией, ровно и спокойно, заранее просчитывая решения для попутно возникающих вокальных сложностей, но при этом эмоционально не расходуясь. Она просто позволяет любоваться своим голосом, который, как неприкосновенный запас, хорош уже тем, что он есть.

Именно так, видимо, расценивают этот голос и эту выучку многочисленные поклонники Бородиной, в овациях которых на консерваторском вечере не

было недостатка. В соответствии с этой точкой зрения, видимо, действовал и екатеринбургский маэстро Дмитрий Лисс, который приехал аккомпанировать Бородиной вместе со всем своим Уральским филармоническим оркестром (уральский десант оказался совсем уж внушительным, когда публике торжественно сообщили, что вместе с оркестрантами в Московскую консерваторию прибыл и губернатор Эдуард Россель). Лисс почтительно следовал за вокалом Бородиной, временами тормозя ей в угоду оркестр чуть не до полной остановки и не рискуя вступать с дивой в музыкальный конфликт — очень бы, на мой взгляд, в данном случае уместный. Упущенные возможности Лисс компенсировал в симфонических интермедиях — это были «Ночь на Лысой горе» Мусоргского, «Светлый праздник» Римского-Корсакова и традиционная спутница вокальных концертов — увертюра к вердиевской «Силе судьбы». Тут дирижер

действовал гораздо энергичнее (хотя порадоваться этому мешали слишком свежие впечатления от Пасхального фестиваля — где тот же «Светлый праздник» был исполнен Гергиевым раз в десять бодрее), но эта энергия выходила оркестру как-то боком. Оркестр, вроде бы числящийся в элитарных и несколько лет назад поразивший Москву отлично сделанной современной программой, на этот раз печалил разбалансированностью, заваливался в правый бок тяжелой медной группой, из-за которой совершенно не слышно было струнных.

Все эти придирки музыкального критика, впрочем, не имеют никакого отношения к восторгу публики, который к финалу становился все более и более обоснованным. Конец оказался общепримирующим: Бородина спела на бис хитовую арию Далилы (из «Самсона и Далилы» Сен-Санса) совершенно эталонно — вложив в нее все чувства, что поберегла за вечер.

*Известие. - 2002. -
- 23 мая. - с. 10.*